

КОЧЕВНИКИ И ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЕ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Н.Н. КРАДИН*

Экологическая и экономическая адаптация номадизма являлась далеко не полной. Перейдя к подвижному скотоводству, номады тем не менее не утратили необходимости в потреблении растительной земледельческой пищи. По этой причине номадизм редко бывал отделен от иных отраслей присваивающе-производящего хозяйства. Казалось бы, проще всего дополнить свою экономику иными видами хозяйственной деятельности, в первую очередь земледелием, тем более, что многочисленные факты свидетельствуют о наличии у самих кочевников зачатков собирательства и земледелия. Но оседлость и земледелие в массовом масштабе невозможны на большей части степных пространств Евразии. Занятие земледелием возможно только там, где количество годовых атмосферных осадков не менее 400 мм или имеется разветвленная речная сеть. Большая часть территории Монголии под эти условия не попадает. Здесь всего 2,3% земель пригодны для занятия земледелием.

Поэтому кочевники использовали различные способы адаптации к "Внешнему Миру". Эта проблема подробно была изучена в трудах А.М. Хазанова.¹

Адаптация могла осуществляться различными способами:

- (1) посредническая торговля между земледельческими цивилизациями и соучастие в ней;
- (2) широкие обменные и торговые связи с соседними оседло-земледельческими обществами;
- (3) периодические набеги, нерегулярный грабеж и разовая контрибуция с земледельческих обществ;
- (4) данническая эксплуатация и навязывание вассальных связей земледельцам;

---

* Профессор Дальневосточного университета. Владивосток, Россия.

¹ А.М. Khazanov, *Nomads and the Outside World*, Cambridge, 1984, p.84.

- (5) завоевание земледельческих обществ;
- (6) вхождение в состав земледельческих государств в качестве зависимой, неполноправной части социума.

Первые два способа, а также последний являлись "мирными" способами адаптации кочевников к оседлому миру. Третий - пятый способы адаптации номадов к внешней среде являлись "немирными". Вопрос о том, какие из них имели у кочевников большее распространение, имеет давнюю историю. Существуют свои сторонники и своя аргументация как точки зрения враждебности или неприязни номадизма и оседлого мира, так и концепции кочевническо-земледельческого "симбиоза". И номадофобия, и номадофилия одинаково односторонне, редуционистски изображают реальные исторические отношения между кочевниками и земледельцами. Номады в процессе приспособления к окружающим условиям использовали как "мирные", так и "немирные" способы адаптации.

Вместе с тем, в различных пространственных и временных условиях менялось соотношение данных способов адаптации, как менялась и роль кочевничества во всемирно-историческом процессе в целом.

- (1) В период генезиса пастушества очевидна его важная позитивная роль в освоении Ойкумены, металлургической революции (сейминско-турбинский феномен тонкостенного литья), распространении культурных инноваций по территории Евразии, цивилизаторское воздействие на "мир тайги" и др.
- (2) На стадии расцвета кочевничества нередко именно народы степи выступали инициаторами многих войн и завоеваний, сопровождавшихся массовыми убийствами и уничтожением культурных ценностей.
- (3) Наконец, с периода нового времени, когда принципиально изменилось соотношение сил между номадами и их более могущественными соседями, кочевники стали активно уничтожаться или вытесняться в отдаленные и плохо пригодные для обитания районы.

В целом, из сложного переплетения различных насильственных и ненасильственных политических методов как в отношении номадов к их оседлым соседям, так и наоборот, складывались оригинальные формы приграничной степной политики. Кочевники использовали несколько пограничных стратегий, которые могли на протяжении истории одного общества сменить одна другую:

- (1) стратегия набегов и грабежей (сяньби, монголы XV-XVI вв. по отношению к Китаю, Крымское ханство по отношению к России и др.).
- (2) подчинение земледельческого общества и взимание с него дани (Скифия и сколоты, Хазария и славяне, Золотая Орда и Русь), а также контроль над трансконтинентальной торговлей шелком.

(3) завоевание оседло-городского государства, размещение на его территории гарнизонов, седентеризация и обложение крестьян налогами в пользу новой элиты (тоба, кидани и чжурчжэни в Китае, монголы в Китае и Иране).

(4) установление мирных обменных и торговых связей с соседними оседло-городскими обществами, а также участие в посреднической торговле между земледельческими цивилизациями.

(5) политика чередования набегов и вымогания дани в отношении более крупного общества. Сначала лидер использовал силу объединенных в империю племен для набегов на оседло-земледельческого государство с целью захвата добычи, которую он раздаривал своим сподвижникам. После этого заключался мирный договор, по которому земледельцы снабжали степную "ставку" богатыми дарами, используемыми правителем номадов для повышения своего престижа. Последующие набеги правитель использовал уже как средство политического давления на китайское правительство с целью вымогания так называемых "подарков" или установления стабильной торговли между кочевниками и земледельцами.

Некоторые из данных стратегий (1,4,5) реализовывались во взаимоотношениях между Хунну и Хань. Можно выделить четыре этапа отношений между ними.²

На *первом этапе* (200-133 гг. до н.э.) для вымогания все более и более высоких прибылей хунну пытались чередовать войну и набеги с периодами мирного сожительства с Китаем. Первые набеги совершались с целью получения добычи для всех членов имперской конфедерации номадов независимо от их статуса. Шаньюю требовалось заручиться поддержкой большинства племен, входивших в конфедерацию. После опустошительного набега, как правило, шаньюю направлял послов в Китай с предложением заключения нового договора "*О мире и родстве*", или же номады продолжали набеги до тех пор, пока китайцы сами не выходили с предложением заключения нового соглашения. После заключения договора и получения даров набеги на какое-то время прекращались. Однако через определенный промежуток времени, когда награбленная простыми номадами добыча заканчивалась или приходила в негодность, скотоводы снова начинали требовать от вождей и шаньюя удовлетворения их интересов. В силу того, что китайцы упорно не шли на открытие рынков на границе, шаньюю был вынужден "выпускать пар" и отдавать приказ к возобновлению набегов.

Второй этап (129-58 гг. до н.э.) хунно-ханьских отношений - это время правления ханьского императора У-ди. В годы его правления принципиально изменился характер политических отношений кочевников с Хань. Император

---

² Крадин Н.Н. Империя Хунну. 2-е изд. М., 2002.

У-ди был категорически против заключения договора с хунну на прежних равных условиях. Номадов также не устраивал более низкий статус вассалов. Не имея возможности получать товары и продукты из-за пределов степи мирными способами, кочевники были вынуждены компенсировать отсутствие "подарков" и рынков грабительскими набегами. Они совершались с определенной периодичностью в 108, 103-102, 92-91, 82, 80-78 и 73 гг. до н.э. Однако после кампании 73-72 гг. до н.э. набеги кочевников на Китай прекратились. Это было связано с тем, что несколько климатических стрессов подряд (72, 68 гг. до н.э.) ослабили экономический и военный потенциал хунну. Затем внутри хуннских племен началась "гражданская война".

Третий этап (56 г. до - 9 г. н.э.) хунно-китайских отношений можно отсчитывать со времени принятия шаньюем Хуханье вассалитета от Ханьского императора. Официально политика *хэцинь* была заменена системой "даннических" отношений. Хунну обязывались признавать сюзеренитет Хань и платить дань. За это император обеспечивал свое покровительство шаньюю и дарил ему как вассалу ответные подарки. В действительности вассалитет номадов, замаскированный в терминах, отражавших китайское идеологическое превосходство, был старой политикой "дистанционной эксплуатации". "Дань" шаньюя имела только номинальное значение. Однако ответные "благодарительные" дары были даже намного больше, чем при системе *хэцинь*. Кроме того, по мере необходимости шаньюй получал от Китая земельные продукты для поддержки своих подданных.

Четвертый, последний этап (9-48 гг.) отношений между империей Хань и имперской конфедерацией хунну по своему содержанию схож с первым этапом. Поводом к разрыву мирных отношений послужили территориальные претензии Ван Мана, вмешательство в хунно-ухуаньские отношения (что с точки зрения шаньюя было вмешательством в его личные дела) и, наконец, подмена шаньюевой печати китайскими послами. Судя по всему, в отличие от первого этапа отношений хунну и Китая, номады несколько изменили акцент своей внешнеполитической стратегии в сторону активизации набегов на территорию Хань. Возможно, это было связано с ослаблением пограничной мощи Китая и нестабильной политической ситуацией внутри страны. Если раньше северные границы Китая охраняла мощная сеть сигнально-караульных служб, города и наиболее ответственные участки Великой стены охраняли хорошо вооруженные гарнизоны, то в ранний период Младшей династии Хань (с 23 г.) содержание такой армии было китайскому правительству не по средствам. Набеги оказывались более безопасными и безнаказанными для степняков, чем ранее.

Таким образом, изложенный материал показывает, что взгляд на историю взаимоотношений кочевников и земледельцев только через призму

извечного *антагонизма* или извечного *симбиоза* представляется излишне упрощенным. История хунно-ханьских отношений в частности показывает, что на протяжении 250 лет в степи существовали как периоды мира, так и периоды военного противостояния. Конечно, *ксенократическая* природа степных империй предполагала милитаризованный образ жизни кочевников и, в известной степени, более воинственный характер пограничной политики кочевников со всеми вытекающими из этого последствиями. За время с 209 г. до н.э. по 48 г. н.э. хунну по разным подсчетам вторгались на территорию Китая от 40 до 70 раз (если условно один набег приравнять как бы к одному году), тогда как ханьцы за это же время только в течение 15 лет вели военные действия против хунну вне пределов Великой стены.

Особенное внимание хотелось бы обратить на стратегию вымогательства. Письменные источники позволяют подробно рассматривать "дистанционную эксплуатацию" кочевников с хуннского времени. Придя в Европу, гунны практически воспроизвели старый хуннский механизм внешнеполитического преуспевания. Сначала совершался набег, после чего поступало предложение о заключении мирного договора, который предполагал богатые "подарки"номадам. Только Византия платила Атилеме до 700 фунтов золота в год. Но это было, вероятно, для Константинополя выгоднее, чем содержать большие гарнизоны на границе.

Более поздние кочевые империи практиковали такой же набор стратегий эксплуатации оседлых аграрных обществ. Тюрки практиковали такую же дистанционную модель эксплуатации, что и хунну. Набеги они чередовали с мирными посольствами. Уйгурский вариант поведения выглядит, например, несколько иначе. Доходы уйгуров складывались из следующих частей: (1) Согласно "Договорам" с Китаем они получали ежегодные богатые "подарки"; (2) Китайцы также были вынуждены нести обременительные расходы по приему многочисленных уйгурских посольств; 3) Уйгуры также активно предлагали свои услуги китайским императорам для подавления сепаратистов внутри Китайского государства. Их помощь была очень специфической. Участвуя в военных компаниях на территории Китая в 750-х-770-х гг., они нередко забывали о своих союзнических обязательствах и просто грабили мирное население, и угоняли его в плен; 4) В течение почти всего времени существования Уйгурского каганата номады обменивали свой скот на китайские сельскохозяйственные и ремесленные товары.

Аналогичные механизмы политического поведения можно было обнаружить и в более позднее время в отношениях между древнерусскими княжествами и половцами, Московской Русью, Золотой Ордой и татарскими ханствами более позднего времени. Так, например, Константин Багрянородный (гл. 7, 13) описывает печенегов столь же "ненасытными и крайне жадными"

до подарков. Но он сам подчеркивает, что ханы выпрашивали дары для своих родственников и соратников.

"Когда василик (т.е. посланник императора – Н.К.) вступит в их страну, он требует прежде всего даров василевса и снова, когда ублажат своих людей, просят подарков для своих жен и своих родителей" [1989:43, 55].³

Вся история внешнеполитических отношений между Москвой и Крымским ханством, по сути, история постоянного рэкетирования своих соседей, вымогания от Москвы и Литвы богатых *поминков* ("подарков") и иных льгот. Татары постоянно играли на "повышении курса", мотивируя тем, что противоположная сторона дает больше. Свои неумные аппетиты ханы оправдывали тем, что если они не будут выпрашивать поминки и раздавать их своим мурзам, те будут им "сильно докучать".

"Крымский юрт стал, таким образом, гнездом хищников, которых нельзя было сдерживать никакими дипломатическими средствами. На упрек хану в нападении у него всегда был готовый ответ, что оно сделано без его разрешения, что ему людей своих не унять, что Москва сама виновата – не дает достаточно поминков князьям, мурзам и уланам".⁴

Даже известные своей мощной армией турки страдали в XVIII-XIX вв. от рэкета арабских бедуинов, контролировавших торговые пути.⁵

Подводя итоги вышеизложенному, необходимо подчеркнуть, что в литературе по-прежнему нередко встречаются утверждения о кочевниках только как о грабителях, способных лишь грабить и уничтожать достижения оседло-земледельческих цивилизаций. Сами этнонимы гунн и вандал стали синонимами для обозначения разрушителей культурных ценностей. Споры нет, война и внешнеэксплуататорская деятельность являлись чрезвычайно важными компонентами жизнедеятельности древних и средневековых скотоводов. Но видеть в номадах только отсталые дикие орды – это серьезное заблуждение. Дикарям не под силу было создать мощную политическую организацию, способную противостоять густонаселенным земледельческим цивилизациям. Дикари едва ли были способны разработать хитроумную политику, позволяющую выживать в суровых природно-климатических условиях и пополнять экономику своего общества (пусть даже такими жестокими методами) дополнительными источниками существования. В целом, значение хуннской политики для истории Евразии очень велико. Трудно удержаться, чтобы не процитировать меткую мысль Т.Барфилда:

---

³ *Константин Багрянородный*. Об управлении империей. М., 1989, с.43, 55..

⁴ *Любавский М.К.* Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996, с.286-294.

⁵ *Периц А.И.* Некоторые особенности классовобразования и раннеклассовых отношений у кочевников-скотоводов. - Становление классов и государства. М., 1976, с.298-300.

"Далеко не такие простые варвары, какими их часто изображают, сюнну открыли классическую модель великих кочевых империй, которые следовали за ними. Поняв сюнну, можно намного яснее представить себе большую часть более поздней истории степи".⁶ Этот тезис остается актуальным не только для истории народов собственно Халха-Монголии, но и для других номадов евразийских степей.

---

⁶ T. Barfield, "The Hsiung-nu Imperial Confederacy: Organization and Foreign Policy", *Journal of Asian Studies*, Vol. XLI, No 1, 1981, p.59.

